

МОЙ БОГ

И злая, как палач, красавица желанна,
Ничто – мой стон и плач, любви отраднa рана,
«Свою гордыню спрячь!» – твержу я неу-
станно,
Мой Бог – любовь и красота.

Где нет красавицы, там и цветник – темница,
Коль в сердце нет любви, в нём скорпион
ютится.

Куда я ни пойду кутить и веселиться,
Мой Бог – любовь, кумир мой – красота!

Перевод Михаила Синельникова

УГНЕТЁННЫЕ

Ах, мир ещё бесстыдней и суровей
Во власти всевозможных философий.
Законов свод и прихоти стихий
На сырых валят беды и грехи.
И сила движет жизнью и вселенной,
И гнёт – удел бессильных неизменный,
И только зло смирившихся нашло:
Дать волю злу – вот истинное зло!

Планета – окровавленная книга,
И вот страница мирового лиха, –
Со всех сторон возносятся стенанья,
Везде раздор, руины и страданья,
И каждый миг – убит, убит, убит...
Взрываются ужасные вулканы,
Восток и Запад сплошь покрыли раны.
О, сколько вопиющих и стреляющих,
И пьющих кровь, и льющих кровь,

Фрагмент памятника Гусейну Джавиду в Баку

И убивающих, и умирающих,
И попираемых, и попирающих,
В чём суть столпотворения сего?
Старается любой упорно
Достичь победы силой необорной,
И кровь клокочет пламенная в жилах,
И право утвердить себя не в силах.

Кто равнодушен к правоте святой,
Тот и раздавлен хищною пятой.
И вот пример перед тобой наглядный,
Коль зряч – увидь, задумайся, собрат мой!

Уж не тебя ли ждёт назавтра жребий
Невинных жертв жестокости нелепой?
Коль жаждешь жить, насилье побеждай!
Греми грозой и молнией сверкай!

Что толку ныть, в отчаянье вопя?
Вот истина: «Бей тех, то бьёт тебя!..»

Перевод Сиявуша Мамедзаде

ПЕСНЯ ЧАБАНА

Пусть сомкнут лепестки свои розы в цвету,
Соловьинa трель не летит в темноту,
В одинокой душе ты найдёшь пустоту.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

Моё сердце глубокой печали полно –
От моей чернoбровoй нет вести давно.
Вместо радости жизни – лишь горе одно.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

Я красавиц других не хочу замечать
И весну за весной без любви провожать,
Я похож на дитя, потерявшее мать.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

По родимой земле я хожу, как чужой,
Я, как пленник, один со своею тоской,
Рай земной для меня будет только с тобой.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

Не могу по любимой тоску заглушить,
Я другой красоту не могу полюбить,
И не может ведь сокола сын заменить.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

Гусейн Джавид

Под дугою бровей так светла бирюза, –
Как я вспомню любимые мною глаза,
На ресницах моих засверкает слеза.
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью.

Хоть капризами часто дразнила она,
Но любила меня и была мне верна,
И со мною была так нежна и томна...
Где, любимая, ты? Слёзы горькие лью

.Перевод Вадима Гринберга

МОРСКАЯ ПЕРИ

Всё вокруг отраднo и блаженно...
Вся природа свежестью полна,
Словно солнце вырвалось из плена
И повсюду ожила весна.

Синева небесная, морская
Льют алмазы за струёй струю.
Ходят волны сердцу напевая
Песню светонoсную свою.

Спутницею солнца чаровница
Проплывает в лодке... Посмотри:

В челноке огонь лучей струится,
Ангел – здесь, чьё ложе – блеск зари.

Ветер, налетающий лавиной,
Цвет ланит ласкает обомлев.
И уста целуют соловьиный
И невольно льющийся напев.

Ах... не знаю, чей души соцветье –
В песне, похищающей покой.
Ангел сей, поющий на рассвете,
Кто? Иль пери синевы морской?

ГАЗЕЛЬ РАЗЛУКИ

Если б не было в мире влюблённых, любви
и мгновения злого разлуки!

Если б не было в мире творенья, творца,
и свиданья, и снова разлуки!

Если б не было в мире недугов, лекарств,
и рождений, и траура смерти!

Если б не было в мире убежища встреч
и бредущей без крова разлуки!

В моём сердце, увы, ослепительный свет,
на глазах – одеяние ночи...

Если б не было в мире ни света, ни тьмы,
ни жестокого слова разлуки!

Ну, так в чём же тут смысл? Для чего это всё?
Суть создания непостижима.

Почему, почему справедливости нет,
упоенья – без зова разлуки?

Не осталось терпенья и сил у меня.

Вопрошаю: о, где справедливость?

Если б не был я счастлив вначале, теперь
не гремели б оковы разлуки.

Перевод Владимира Портнова

Памятник Гусейну Джавиду в Баку.

Архитектор О.Эльдаров

Гусейн Джавид с супругой Мюшкюназ, сыном Эртогрулом и дочерью Туран. 1936 г.

РАННЯЯ ВЕСНА

Маленькому школьнику
Весна явилась к нам, и птахи выются,
Весною раннею цветы смеются.
Золотокудро солнце, в небе кружит,
И сумрачные ободряет души.
Поля и горы в алом и зелёном,
Сияние струится небосклоном.
И соловьи свои выводят трели,
И затевают сообща веселье.
Дудит на дудке мальчик-пастушонок,
Над гладью речки звук протяжен, звонок.
Вокруг него ягнята сбились в стадо,
Бодаются и прыгают ягнята.
А там вдова с тоскующей душою, –
Ласкает мать дитя своё больное.
Там школьники поют весёлым хором,
Резвятся по просохшим крутогорам,
И, взявшись за руки, дивятся дети
Природе, небесам, всему на свете.

В ЖЕНСКОЙ ШКОЛЕ

– Как звать тебя, голубушка?
– Гюльбахар меня звать,
– Есть у тебя родители?
– А как же! Отец и мать.
– Богат ли отец? Велика ли родня?
– Лишь бекского звания родня у меня...
– Коль так, отчего ж ты в нарядах простых?
Не вижу серёжек, колец золотых, –
Отвечай, не смущаясь...
– В доме немало добра,
Но учительница нас учит, что это – мишура.
Украшение девушки – свет знания и чистоты.

– Верно, милая... Но кого же всех больше
любишь ты?
– Всех больше люблю Аллаха, сотворившего
естество.
– А ещё?
– Кроме Аллаха, люблю посланцев его.
– А нет ли ещё любимых?
– Есть!
– Кто ж он такой?
– Мать, отец, учительница и весь род люд-
ской...

ОТДАЮ ДУШУ МОЮ

Той, с распущенными волосами, отдаю душу
мою,
В темницу ввергла своими руками красавица
душу мою,
Просил я её: «Отпусти на свободу душу мою!»
Но цепями волос оплела – зря молю я – душу
мою.
Пленён христианской её красотой,
Сжигает, как бабочку, дивной свечою душу
мою.
Вышел Юсиф любоваться цветами,
Любимая душу закрыла камнями, душу мою.
Неверного дочь душа моя обожала,
Но она в развалины превращала душу мою.
Все думы мои о встрече, живу я с тоской,
Окрасила кровью она, сверкая красой, душу
мою.
Она отвела мою верную руку,
Она обрекла на бессонную муку душу мою.
И стал я у шейха мюридом, отвержен,
И в пламени боли я сжёг, безутешен, душу
мою.

Перевод Олега Шестинского

НЕ ВИДЕЛ

Оглушённый, я поддался крику сердца моего
–
И, влюблённый, кроме боли, я не видел
ничего.
Жаждет верности красавиц истомлённая
душа.
Кроме горемычной доли, я не видел ничего.
Розы без шипов не видел и сияния без тьмы,

О мечущая гнев, побед слепой творец,
 Довольно! Мир устал! Устанешь ты когда?
 Все в расприх и борьбе измучились вконец,
 Дай кровь земле впитать, исчезни без следа!
 Покою жаждет мир, свободы ждёт народ,
 Надеждой сладкою на лучший день живёт.

Пока здесь правит зло, – в загоне тишина,
 Хоть свет, в конце концов, родится в тьме
 ночей...

Свобода – неженка, для счастья рождена:

Пока земля в крови, – не улыбнётся ей.
 А злой закон земли живёт с седых времён;
 Какой бы ни был Бог – до крови алчен он.
 Но тьма рассеяна, зло втоптанно во прах.
 Надежды торжество в заре знамён цветёт,
 Лучат глаза тепло, улыбка на губах:
 То справедливость к нам желанная идёт!
 Но вольность на земле – не сладкие ль
 мечты?..

Свобода, отзовись! На свете есть ли ты?..

Перевод Игоря Григорьева

УЛЫБНИСЬ

Цветок души, улыбнись! Твоя улыбка нежней
 Всего, что в мире большом мне счастье дарит,
 пьяня,
 А шелест крыльев твоих, мой утренний соловей,
 На выси творчества вмиг всегда возносит
 меня.

Зачем на светлом лице туман неведомых бед?
 Зачем течёт по щекам слезинок нежных роса?
 Ведь если сквозь стену туч проглянет солнеч-
 ный свет,

Твоя улыбка взлетит, как радуга, в небеса.
 Твоя улыбка равна странице жизни моей!
 Тебе неведом самой предел твоей красоты!
 Играет нежность в тебе, как волны в шири
 морей!

Цветок души, улыбнись! Сорви стесненья
 печать!

Меня своей красотой, как цепью, сковала ты!
 Как раб стою пред тобой, как столп – я должен
 молчать.

Перевод Льва Гумилёва

Гусейн Джавид с учениками. 1925 год

Только влюбимся – и сразу жить должны в
разлуке мы.
Верят в вечную уладу только жалкие умы.
Кроме ветра в чистом поле, я не видел ничего.

Я видал так много слабых исстрадавшихся
сердец,
Я жалел людей, не зная, где двурушник, где
подлец.
В тех, кого считал я другом, разуверился вко-
нец.
Кроме гадов – им раздолье! – я не видел
ничего.
Скрыта горечь за любовью, за улыбкой скрыта
лесь.
Наше счастье – бледный отблеск зорь, кото-
рым не расцвести.
Может статься, ошибаюсь? Всё, что здесь при-
вёл я – есть.
Кроме злобы и неволи, я не видел ничего.

НЕ РАДУЙСЯ ЧУЖОМУ ГОРЮ

Не радуйся чужому горю, милый,
Злорадство брось, не смейся над бедой,
И не встречай улыбкою постылой,
Того, кто схвачен горькою нуждой.

Насмешка, едкое словцо порою
Ножом пронзают сердце на года.
И помни: тот, кто ранен был тобою,
Уже не исцелится никогда.

Не оскорбляй! А волю дашь гордыне
И оскорбишь – откроешь мести путь.
Заплачет завтра, кто смеётся ныне.
Не рань других, всегда отзывчив будь!

Перевод Льва Озерова

ПЕРЕД БОГИНЕЙ ВОЙНЫ

О месть, искрящая на огненных крылах,
О ты, богиня войн, дракон нещадно злой,
Ты нагледелась всласть на кровь, крушенья, прах:
Трагедию кончай и занавес закрой!
О гений катастроф, довольно сеять жуть.
Оставь свою игру! Пусть вольно дышит грудь!

От ужасов твоих трепещет белый свет,
Стенает под пятой не только род людской –
В земле и под водой живым пощады нет,
И даже хищники, объятые тоской, –
Пантеры, львы – вопят: «Спасения от бед!..».

Церемония перезахоронения Гусейна Джавида в Нахчыване. 3 ноября 1982 года

